

## Глава 1. Перемещение Мэри

Поздним весенним полднем солнечные лучи пробивались сквозь густую листву платанов, рассыпаясь золотыми брызгами по стенам старых особняков на Хуайхай-роуд. Лёгкий ветерок скользил по верхушкам деревьев, поднимая едва слышный шелест, который смешивался со сладковатым ароматом уличной чайной лавки, звоном велосипедных звонков и обрывками праздных разговоров прохожих, окутывая всю улицу ленивой и мягкой негой.

Чжан Мэри, закинув руку за локоть лучшей подруги, неторопливо шагала сквозь узорчатую светотень. В другой руке она крепко сжимала только что купленный чай с таро и жемчужным тапиоковыми шариками; стенки пластикового стаканчика ещё хранили приятное тепло, передаваясь ладони сквозь тонкую бумагу — пожалуй, это было самое уютное тепло в этот поздний весенний день.

Она опустила голову и не рассчитала силу, протыкая трубочку. С глухим звуком капелька тёплой жидкости брызнула ей на тыльную сторону ладони — прохладная, но с лёгким сладким привкусом.

— Как же всё надоело.

Она потрясла рукой, её брови непроизвольно сошлись на переносице, а в голосе послышались обида и раздражение, копившиеся все двадцать два года. Каждый раз, когда ей приходилось представляться, это превращалось для неё в мини-катастрофу в обществе. Самое обычное, казалось бы, социальное начало, слетевшее с её губ, неизменно несло в себе невыразимую неловкость.

Каждый раз при знакомстве мне хочется провалиться сквозь землю. Привет, меня зовут Чжан Мэри. Люди замирают на полуслове, в их глазах мелькает недоумение, а следом они осторожно спрашивают: а есть ли у тебя английское имя? Слово само слово Мэри вовсе не достойно быть настоящим именем китаянки. Мне приходится скрепя сердце объяснять, что это записано в моём удостоверении личности, и менять его я не собираюсь.

Чжан Мэри бросила взгляд на собственные кеды и рассеянно потерлась носком о тротуарную плитку.

Чжан Мэри — только послушайте: ни то ни сё, ни китайское ни заморское, сплошная деревня. Ни туда ни сюда, ни уму ни сердцу, словно какая-то нелепая шутка сбившейся с эпохи времени. О чём только думала моя мама в то время? Насмотрелась гонконгских и тайваньских сериалов или услышала чью-то оброненную вскользь фразу от соседа, что наградила меня именем, из-за которого я смущаюсь всю свою жизнь.

Это чувство неловкости преследовало её с самого раннего детства, сколько она себя помню.

Маленькой ей казалось, что она совсем не похожа на других детей. Других звали Тинтин,

Цзинцзин, Линьлинь — просто и чисто, сразу понятно, что девочка из соседнего двора. И только она носила имя, звучащее то ли как иностранное, то ли как случайная кличка, из-за чего всюду казалась чужой и бросающейся в глаза.

В начальной школе вредные мальчишки нарочно дразнили её Мэри Чжан, пародируя неуклюжий английский порядок слов и заливаясь хохотом; в средней школе кто-то с совершенно серьёзным лицом спрашивал, не верующая ли её семья и не крестили ли её при рождении; а когда она поступила в университет и доходило до самопрезентации, стоило ей назвать своё имя, как из зала доносилось сдвленное хихиканье.

Она не то чтобы совсем не сопротивлялась.

В подростковом возрасте она плакала, устраивала истерики и требовала сменить имя, перелистала весь словарь в поисках простого и нежного имени, но три иероглифа в её свидетельстве о рождении были выбиты словно гвоздями — их было не изменить. Мать лишь посчитала это детской прихотью, отделившись смехом и сказав, что Мэри — такое красивое, такое современное имя. Только вот эта современность никогда не прибавляла ей уверенности в себе, а лишь заставляла жить в тени неизбежного комплекса неполноценности.

Она бесчисленные ночи напролёт думала о том, была ли её жизнь хоть капельку легче, если бы её звали Чжан Цзин, Чжан Ли или даже Чжан Хуахун. Тогда не пришлось бы каждый раз ловить на себе чужие оценивающие взгляды, не нужно было бы бесконечно оправдываться и жить в липкой неловкости от фраз вроде какое у тебя особенное имя.

Ей хотелось лишь затеряться серой мышкой в толпе, жить тихо и незаметно, без лишнего внимания, без пересудов, избавленной от любых странных ярлыков.

Но она была не властна даже над собственным именем.

Точно так же, как и над всей своей заурядной донельзя жизнью. Двадцать два года, выпускница последнего курса колледжа, средние оценки, обычная внешность, заурядное происхождение, ни единого выдающегося таланта или грандиозных идеалов. Каждый день она рассылала резюме, бегала по собеседованиям, переживала, что не получит диплом, не найдёт работу и разочарует родителей.

Она была точь-в-точь как бесчисленные простые девушки на Хуайхай-роуд — носила в сердце крошечные заботы и смутные надежды, плывя по течению в этом огромном городе.

Единственное, чем её могли запомнить люди — это это смешное и неловкое имя.

Она даже втайне подшучивала над собой, что её жизнь как раз и стоила такого ни рыба ни мясо пресного имени. Никаких бурных событий, ни единого яркого момента, даже капля индивидуальности — и та держалась на нелепом прозвище.

Подруга с улыбкой заметила:

— Ну, это же можно назвать гармонией Востока и Запада.

— Какая тут гармония, — Чжан Мэри закатила глаза, в её голосе сквозило отчаяние. — В начальной школе дразнили Мэри Чжан, в средней — допытывались, не сектантка ли я, а в университете даже на собеседовании в клуб экзаменаторы обязательно норовили вернуть вопрос о происхождении моего имени. Словно кроме этого имени во мне больше нет ничего, что стоило бы запомнить.

Внутри неё бурлило какое-то тягостное томление, словно грудь сжало тисками. Ей страстно хотелось, чтобы её заметили, но в то же время она панически боялась чужих взглядов; ей хотелось выделяться, но приходилось барахтаться в серой посредственности.

Речь оборвался в один миг — её перерезал резкий, пронзительный визг мотора. Звук был грубым и безумным, словно острое лезвие мгновенно распоровшее ленивую и безмятежную пелену полудня.

Воздух, казалось, застыл.

Обе девушки одновременно резко повернули головы, их сердца едва не остановились.

Огромный неуправляемый грузовик, словно сорвавшийся с цепи бешеный бык, наплевав на красный свет светофора, протаранил ограждения на перекрёстке и с сокрушительной, всесмедающей силой нёсся прямо на пешеходный переход. Прохожие в панике шарахались в разные стороны, сливаясь в единый хаос из криков, визгов и автомобильных гудков.

А прямо посередине «зебры» стояла маленькая девочка с розовым рюкзаком за спиной — словно вбитая в асфальт, её крошечное тело оцепенело, в глазах плетился первобытный ужас, и она даже забыла заплакать. Мороженое в её руке медленно таяло, и сладкие капли капали на сандалии, но она этого не замечала.

Смерть дышала в затылок.

Крик ещё не успел вырваться из горла Чжан Мэри, а её тело уже среагировало быстрее рассудка.

Никаких раздумий, никаких колебаний, никаких взвешиваний всех за и против.

Стаканчик с чаем с грохотом рухнул на землю и разлетелся вдребезги, фиолетовое таро и чёрные жемчужины брызнули во все стороны, испачкав её чистые кеды. Шаги, с которыми она бросилась вперёд, были близки к животному инстинкту — быстрее любых мыслей, прямее любой реакции. Ветер свистел в ушах, мир расплывался перед глазами, и в поле её зрения существовал лишь этот крошечный силуэтик на краю гибели.

В тот миг, когда её кончики пальцев коснулись спины девочки, она из последних сил толкнула её вперёд.

Это был самый решительный и храбрый поступок за все её двадцать два года жизни.

Малышка, спотыкаясь, полетела в сторону подруги. Та от неожиданности побледнела лица, но на рефлексе успела распахнуть руки, крепко прижав ребёнка к груди и отступив на несколько шагов назад.

А Чжан Мэри развернулась, пытаясь увернуться, попытаться сбежать — но было уже поздно.

Огромная тень накрыла её целиком, принеся с собой ледяное дыхание стали и смрад смерти.

Последней картинкой, запечатлевшейся в её поле зрения, стал огромный железо-серый очерк кабины грузовика — холодный и несокрушимый, да ослепительные, режущие глаза блики солнца, отражавшиеся в лобовом стекле.

И сразу за этим на неё обрушилась чудовищная масса.

Она почувствовала, как её тело невесомо взмыло вверх.

Словно качели-карусель в парке аттракционов из детства: центробежная сила подбросила её в небеса, ветер свистел в ушах, принося с собой остатки весеннего тепла. Солнце на Хуайхай-роуд, тени платанов, вывески чайных лавок, испуганное и искаженное болью лицо подруги, панические крики прохожих... всё это сливалось в единый, быстро вращающийся поток размытых огней.

Никакой ожидаемой жуткой боли.

Очень легко.

Очень тихо.

Словно сорванный ветром лист, который наконец коснулся земли.

А после перед глазами всё погрузилось в непроглядную тьму. Неизвестно, сколько времени прошло, но сознание Мэри Чжан медленно пробудилось среди чего-то теплого и липкого.

Это был не больничный запах хлорки, не дорожная пыль, а какой-то незнакомый, согревающий молочный аромат. Она лежала в неизвестном месте, под ней было мягко, но влажно, и это неприятное ощущение липкости инстинктивно заставляло её попытаться перевернуться, однако тело совершенно не подчинялось, словно из него вытянули все силы.

Она с трудом приподняла руку, желая потереть гудящую голову, но открывшееся в поле зрения зрелище заставило её мгновенно замереть.

Эта рука была смехотворно маленькой, мягкой, пухленькой, кожа нежной, как тофу, пальчики короткими, и даже сжать кулак стоило немалого труда — словно кошачья лапка без единой косточки. Это вовсе не были те руки двадцатидвухлетней девушки, покрытые легкими мозолями, к которым она привыкла.

Паника накатила волной, но она даже не могла издать звук — лишь слабое «и-я».

Кто-то говорил.

Голос был мягким, с легким оттенком усталости, но донельзя балующим.

Наша маленькая Мэри сегодня такая умница, не плачет и не капризничает, прямо мамина хорошая девочка.

Лицо медленно приближалось.

Молодая женщина с мягкими чертами лица, отмеченными материнской усталостью. Волосы аккуратно, волосок к волоску, убраны в прическу, вырез платья застиран добела, но безупречно чист и опрятен. Она протянула руку и бережно подняла этот мягкий комочек, движения её были привычными и нежными, а опустив взгляд, она принялась тщательно менять пеленку.

Мэри широко распахнула глаза, не мигая глядя на это незнакомое лицо.

Незнакомое.

Совсем незнакомое.

Не мама, не лучшая подруга, вообще никто из тех, кого она знала.

Она с трудом завращала глазками, изо всех сил стараясь оглядеться. Старинные деревянные перила кровати, белые занавески легко свисают вниз, свет из-за окна проникает сквозь старинный переплет рам — тусклый и мутно-желтый. Никаких высоток, никаких лавочек с молочным чаем, никаких платанов на Хуайхай-роуд, всё вокруг до ужаса чужое.

Вскоре она бросила сопротивляться.

Это тело было слишком маленьким — настолько маленьким, что даже повернуть голову стоило труда, а взгляд с трудом задерживался на чем-то дольше пары мгновений. Тяжелая сонливость нахлынула волной, окутывая её, утягивая за собой и снова погружая в глубокую темноту.

Солнце на Хуайхай-роуд, сладкий аромат таро-бабл-те, смех подруги, потерявший управление грузовик, момент взлета в воздух... Всё это казалось скрытым за толстым слоем матового стекла — всё дальше, всё бледнее, пока окончательно не растворилось в глубинах памяти.

Ей казалось, будто она видела очень-очень длинный сон.

В этом сне было всё, к чему она привыкла, и внезапная смерть.

А проснувшись, она оказалась младенцем, не способным управлять собственным телом.

Дни текли чередой в полумраке и ясности, сознание Мэри становилось всё острее, и она постепенно обретала контроль над этим крошечным телом.

Пока она не научилась ползать.

Это стало её первым по-настоящему собственным достижением после прибытия в этот мир. Опираясь на пухлые ручки и ножки, прижимаясь животом к прохладному полу, она понемногу продвигалась вперед — медленно, покачиваясь, но наконец-то способная покинуть ту детскую кроватку, что так долго сковывала её и наводила тоску.

Мир постепенно прояснялся перед её глазами.

Это был большой английский дом с деревянными перекрытиями, множеством комнат и длинными коридорами. Служанки в неизменных длинных платьях сновали туда-сюда — их шаги были легкими, а голоса тихими. Никакого автомобильного гудка, никакого звонка мобильного телефона — только пение птиц за окном, шелест ветра в листве да доносившиеся из глубины дома редкие разговоры.

Всё вокруг было старинным, тихим и чужим.

Мэри любила лежать на полу, словно маленькая молчаливая кошка, исподтишка разглядывая этот мир из щелей приоткрытых дверей или из-за занавесок. Мимо её глаз то и дело проносились разноцветные подола платьев — нежно-голубые, гусино-желтые, розовые, белые, похожие на медленно плывущие цветы.

Ползая повсюду, она невольно обратила внимание на ту женщину, что всегда так нежно брала её на руки — позже она узнала, что это миссис Беннет. Живот той рос день ото дня, словно в нем прятался маленький мячик. Она смутно осознавала, что скоро у неё появится еще один родственник: возможно, младший брат, а может, младшая сестра.

В этом незнакомом доме у неё появились две фигурки, дарившие ей чувство покоя.

Один нежно-голубой подол всегда двигался очень медленно, шаги были мягкими, а нрав — кротким. Каждый раз, проходя мимо места, где она лежала, хозяйка платья непременно останавливалась, и две теплые мягкие руки осторожно поднимали её, страясь не причинить боли.

Маленькая Мэри, почему ты снова лежишь на полу? На полу холодно, так и заболеть недолго.

Это была Джейн, её старшая сестра.

Её голос звучал мягко, как вата, и сладко, как мед, а когда она брала девочку на руки, то обращалась с ней так бережно, будто держала хрупчайшее сокровище на свете. Джейн уродилась исключительно красивой, с кротким выражением лица и ясными, чистыми глазами. Когда она улыбалась, уголки её глаз изгибались, и казалось, что вся комната озаряется, становясь мягкой и теплой.

Рядом с Джейн Мэри всегда ощущала необъяснимое спокойствие.

Был там и подол цвета гусяного желтка — его обладательница двигалась быстро, с ветерком, вовсе не так мягко, как старшая сестра, но с большей живостью и озорством. Это была Элизабет, её вторая сестра. Она не брала Мэри на руки так часто, как Джейн, но всегда останавливалась на ходу, наклоняясь и заглядывая лежащей на полу малышке в лицо со

смешинкой во взгляде и легким тоном.

Снова сюда доковыляла? Прямо как маленький разведчик — всё исследуешь и исследуешь.

Мэри не понимала незнакомого слова разведчик, но крепко запомнила глаза второй сестры — яркие, словно в них прятались звезды. В этих глазах не было равнодушия к ней, лишь едва заметная нежность и любопытство.

В этом доме, где никто по-настоящему не заботился о ней, старшая и вторая сестры были её единственным теплом.

В тот день, когда Мэри, ухватившись за крепкую ножку стола, с трудом поднялась на ножки, в доме по-прежнему стояла тишина, и никто не обратил на это внимания.

Джейн вышивала в своей комнате наверху — стежок за стежком, сосредоточенно и тихо; Элизабет сидела в кресле у окна с толстой книгой в руках, вглядываясь в страницы, изредка поднимая голову и глядя в окно, будто привлеченная прыгающими по веткам птицами; миссис Беннет в кухне громко переругивалась со стряпухой из-за домашней хозяйки — её голос пробивался сквозь стены, но никогда не предназначался для самой Мэри.

Мэри стояла в одиночестве в углу гостиной, её крошечное тело слегка подрагивало, а две пухлые ручки мертвой хваткой вцепились в ножку стола так, что костяшки пальцев побелели.

Она встала.

Она действительно встала.

От младенца, который даже не мог перевернуться, до умения ползать, а теперь — опираясь на собственные силы, уверенно стоя на земле.

Это была не жизнь Мэри Чжан, это была жизнь Мэри Беннет.

Это был её собственный первый шаг в новой жизни, сделанный своими силами.

Сердце переполнило невыразимое волнение, она глубоко вздохнула, разжала одну руку и попыталась сделать шаг вперед...

Бум.

Крошечное тело потеряло равновесие, тяжело шмякнувшись обратно на холодный пол, и копчик отозвался глухой болью.

Никто не видел.

Никто не ахнул, никто не подошел поддержать её, никто не утешил ласковым словом и уж тем более не захлопал в ладоши.

В гостиной всё так же царила тишина — лишь щебетали птицы за окном да доносились обрывки разговоров из кухни.

Мэри сидела на полу, потирая ноющий зад, тяжело дыша, и вдруг не удержалась от смеха.

Уголки рта тянулись вверх, но в глазах защемило.

В прошлой жизни она была Мэри Чжан, двадцати двух лет, выпускницей последнего курса, что вечно рассылала резюме, искала работу, тревожилась о будущем, стеснялась собственного имени, живя заурядной и неловкой жизнью, жаждая быть замеченной, но страшась привлечь к себе внимание.

В этой жизни она — Мэри Беннет, двух лет от роду, только что научившаяся стоять и пытающаяся сделать свой первый шаг по жизненному пути.

Ни зрителей, ни аплодисментов, никто не говорит какая молодец, никто не делает её центром притяжения.

Она словно затерянный в никем не замечаемом углу неприметный камешек — молча растёт, молча старается, молча падает и молча поднимается снова.

Никаких ожиданий, никаких пересудов, никакой неловкости.

Вот это и есть настоящая жизнь.

Совсем не обязательно, чтобы все твои усилия были замечены, и далеко не каждый рост сопровождается овациями.

Она уперлась ладонками в пол, напрягла ручки и снова неуверенно поднялась.

На этот раз она стояла чуть увереннее.

В этот самый момент пронзительный крик миссис Беннет прорезал тишину дома.

Родовые схватки длились целый день, в доме все суетились, но никому не было дела до неё, забившейся в угол. Мэри тихонько подползла к двери родильной комнаты и услышала, как мистер Беннет шепотом молится за дверью, переполненный сожалениями и надеждами, взывая к Богу даровать ему сына — наследника, способного унаследовать имение.

В душе Мэри царила ясность.

Бог, должно быть, слишком занят, чтобы слышать молитвы заурядного отца.

Вскоре раздался детский плач — родилась еще одна девочка.

У неё появилась еще одна младшая сестра, которую называли Лидией.

Еще одна младшая сестра для обитателей этого дома была, пожалуй, поводом для небольшой радости или же капель разочарования.

Но для Мэри в жизни ничего не изменилось.

Она по-прежнему оставалась той самой незаметной, не вызывающей ожидания, серенькой третьей дочерью.

Перед лицом мягкости Джейн, умиротворенного ума Элизабет и живости Лидии она была заурядной, молчаливой и скучной, словно травинка, выросшая в дальнем углу — тихая, никем не востребованная.

Она давно привыкла к этому пренебрежению.

И даже, пожалуй, наслаждалась им.

Ей не нужно было нести бремя ожиданий удачного замужества, как старшей сестре, не нужно было обладать проницательностью и тонкой душевной организацией во второй сестры, и не нужно было заставлять окружающих волноваться из-за своего нрава, как младшей.

<http://bllate.org/book/22034/2290809>